Бернхард Шлинк

Женщина на лестнице

История, рассказанная на одном дыхании: о законе писаном и неписаном, о большом чувстве и горьком разочаровании.

Die Südostschweiz

Азбука-бестселлер

Бернхард Шлинк

Женщина на лестнице

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Шлинк Б.

Женщина на лестнице / Б. Шлинк — «Азбука-Аттикус», 2014 — (Азбука-бестселлер)

«Женщина на лестнице» – новая книга Бернхарда Шлинка, автора знаменитого «Чтеца», – сразу после выхода в свет возглавила список бестселлеров журнала «Шпигель», а права на ее перевод были проданы по меньшей мере в десяток стран. Это роман о любви с почти детективной интригой вокруг картины, исчезнувшей на сорок лет и неожиданно появившейся вновь. Удивительная история связана с запутанными отношениями в любовном четырехугольнике, который составляют изображенная на картине женщина и трое мужчин – крупный предприниматель (заказчик картины), всемирно известный художник и преуспевающий молодой адвокат, который приглашен уладить конфликт между заказчиком и художником, но сам становится действующим лицом конфликта и одновременно рассказчиком истории. Что касается картины, то нельзя не заметить ее сходства с полотном Герхарда Рихтера «Эма. Обнаженная на лестнице» – знаменитым произведением едва ли не самого дорогого среди ныне живущих художников, которого недаром прозвали Пикассо XXI века.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

© Шлинк Б., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Часть первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Бернхард Шлинк
Женщина на лестнице

Bernhard Schlink
DIE FRAU AUF DER TREPPE
Copyright © 2014 by Diogenes Verlag AG Zurich, Switzerland
All rights reserved

© Б. Хлебников, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая

1

Когда-нибудь вы увидите эту картину. Она надолго исчезла, но недавно вдруг нашлась, поэтому теперь все музеи охотно будут ее выставлять. Карл Швинд считается ныне самым известным и дорогим художником в мире. Когда отмечалось его семидесятилетие, он часто мелькал на газетных и журнальных страницах, на всех телеканалах. Впрочем, нужно внимательно присмотреться, чтобы в сегодняшнем старике узнать прежнего молодого человека.

А вот картину я узнал сразу. Я обнаружил ее в последнем зале Художественной галереи, и она произвела на меня столь же сильное впечатление, как тогда, в доме Гундлаха, где я увидел ее впервые.

По лестнице спускается женщина. Правая нога шагнула на нижнюю ступеньку, а левая еще касается верхней, но уже готова сделать новый шаг. Женщина обнажена, у нее бледное тело, светлые волосы на лобке и голове, прическа слегка поблескивает от солнечных лучей. Обнаженная, бледная, светловолосая, на расплывчатом зеленовато-сером фоне стены и лестничных ступеней, женщина с парящей легкостью идет прямо на зрителя. Но одновременно в ее длинных ногах, округлых бедрах, упругой груди ощущается чувственная весомость.

Я медленно подошел к картине, и она смутила меня, как в первый раз. Тогда меня смутило, что на картине была изображена обнаженной женщина, которая днем раньше сидела напротив меня в моем офисе в джинсах, топике и жакете. Теперь смущение возникло потому, что картина напомнила мне старую историю, в которую я ввязался и которую потом постарался вычеркнуть из памяти.

«Женщина на лестнице», – гласила табличка возле картины, предоставленной галерее частным владельцем для временной экспозиции. Разыскав куратора выставки, я поинтересовался, кто владелец картины. Он ответил, что не вправе разглашать имя. Я сказал, что знаю модель, знаю и владельца, а потому предвижу конфликт относительно вопроса о собственности. Куратор наморщил лоб, но повторил, что не вправе разглашать имя.

2

Мой обратный авиабилет до Франкфурта был забронирован на вторую половину четверга. Однако переговоры в Сиднее завершились к полудню среды, поэтому я мог бы переделать билет и вылететь вечером. Но мне захотелось провести остаток дня в Ботаническом саду.

Я решил пообедать там, поваляться на травке, а вечером пойти в Оперный театр и послушать «Кармен». Мне нравится Ботанический сад, в северной части он соседствует с собором, а на юге с Оперным театром; прямо в саду находится Художественная галерея и Консерватория, с холма открывается вид на залив. В саду есть пальмовый дендрарий, розарий, аптекарский огород, пруды, беседки, статуи и множество обрамленных старыми деревьями лужаек, где бабушки и дедушки играют с внучатами, одинокие мужчины и женщины выгуливают собак, компании устраивают пикники, встречаются влюбленные, кто-то читает, а кто-то дремлет. На лоджии ресторана в центре Ботанического сада время кажется остановившимся навсегда: старые чугунные колонны, железные перила, вид на деревья с летучими лисицами и фонтан с птицами; у птиц яркое оперение и изогнутые клювы.

Сделав официанту заказ, я позвонил коллеге. Он оформлял слияние двух концернов с австралийской стороны, я – с немецкой. Как это обычно бывает при подобных сделках,

мы оказались одновременно партнерами и соперниками. Но мы были ровесниками, оба – ведущие адвокаты последних крупных юридических фирм, еще не приобретенных американцами или англичанами, к тому же оба вдовцы и вполне симпатизировали друг другу. Я поинтересовался, какое детективное агентство обслуживает его фирму, и он мне его назвал.

– Есть проблема и нужна помощь?

– Нет, просто захотелось удовлетворить давнее любопытство.

Позвонив в агентство, я попросил выяснить, кому принадлежит картина Карла Швинда, выставленная в Художественной галерее Нового Южного Уэльса, а также узнать, не проживает ли в Австралии некая Ирена Гундлах или Ирена, носившая ранее фамилию Гундлах. Директор агентства выразил надежду, что через несколько дней сумеет ответить на мои вопросы. Я предложил премиальные, если ответы будут получены не позднее завтрашнего утра. Он рассмеялся. Либо удастся добыть информацию в Художественной галерее уже сегодня, либо потребуется несколько дней, тогда премиальные не помогут. Он перезвонит.

Официант принес заказанное блюдо. Я попросил бутылку вина, которую не собирался выпивать целиком, но все же выпил. Иногда проснувшиеся летучие лисицы стайкой вылетали из ветвей, кружили в воздухе, потом вновь повисали на ветках, сложив крылья. Порой у фонтана громко кричала одна из ярких птиц. Вдруг начинал плакать ребенок или раздавался собачий лай, изредка до меня доносился разговор японских туристов, похожий на птичий щебет. Но чаще слышалось только стрекотание цикад.

Я лег в траву на склоне холма, увенчанного зданием Консерватории. Прямо в пиджаке – мысль о том, что остаток дня я прохожу в мятом и запачканном костюме, меня не пугала, хотя обычно я бы поостерегся валяться вот так запросто. Потом мне стали безразличны и мысли о том, что меня ожидает в Германии. Нет ничего такого, чем я не смог бы пренебречь, и ничего такого, что не смогло бы пренебречь мною. Во всех предстоящих делах я был вполне заменим. Незаменимым я был лишь в том, что осталось позади.

3

Собственно говоря, я намеревался стать судьей, а не адвокатом. Я прекрасно сдал госэкзамены, знал, что судей не хватает, был готов идти туда, где буду востребован, и считал собеседование в Министерстве юстиции обычной формальностью. Собеседование было назначено на конец рабочего дня.

Референтом по кадровым вопросам оказался пожилой господин с доброжелательным взглядом.

– Аттестат зрелости вы получили уже в семнадцать лет, в двадцать один год сдали первый государственный экзамен, а в двадцать три – второй; мне еще никогда не попадался столь юный и крайне редко встречался столь достойный соискатель на должность судьи.

Я исполнился гордостью и за успешно сданные экзамены, и за свой юный возраст. Но мне хотелось произвести впечатление скромного человека.

– Я раньше пошел в школу, а тут еще две реформы с изменением начала учебного года: то начало сдвинули с весны на осень, то опять с осени на весну. Я выиграл два полугодия.

Он кивнул:

– Вам подарили два полугодия. А потом еще полгода, так как после первого государственного экзамена не пришлось ждать и вы сразу получили вакансию стажера. У вас образовался изрядный запас времени.

– Простите, не понял…

– Вот как? – Он дружелюбно взглянул на меня. – Если в следующем месяце вы приступите к работе, то вам предстоит сорок два года судить других. Вы будете сидеть на возвышении, остальные внизу, вы будете слушать их, разговаривать с ними, иногда улыбаться им,

но под конец вы сверху вниз объявите свой вердикт: кто прав и кто виноват, кого лишить свободы и кому ее даровать. Вы этого хотите – сорок два года сидеть наверху, сорок два года выносить приговоры? Полагаете, это пойдет вам на пользу?

Я не знал, что сказать. Да, мне нравилась мысль о том, что, сидя на возвышении, в судейском кресле, я буду по справедливости разбирать дела других людей и выносить справедливые решения. Почему бы и не сорок два года?

Он закрыл лежавшее перед ним личное дело.

– Разумеется, мы вас возьмем, если вы того действительно хотите. Но я не стану делать это сегодня. Приходите на следующей неделе, мой преемник оформит ваше назначение. Или приходите через полтора года, когда закончится подаренный вам запас времени. А еще лучше – лет через пять, познакомившись с правосудием снизу, поработав адвокатом, юрисконсультом или комиссаром полиции.

Он поднялся, я тоже встал и, совершенно сбитый с толку, смотрел, как он подошел к шкафу, достал пальто, перекинул его через руку. Затем мы вместе вышли из кабинета, миновали коридор, спустились по лестнице и остановились наконец на улице, перед входом в министерство.

– Чувствуете, как пахну́ло летом? Еще немного, и начнутся жаркие дни, приятные вечера и теплые грозы. – Он улыбнулся. – Бог в помощь.

Меня жгла обида. Я им не нужен? Тогда и они мне не нужны. Я стал адвокатом не по совету пожилого господина, а наперекор ему. Переехал во Франкфурт, поступил в юридическую фирму «Кархингер и Кунце», где работали пятеро сотрудников, параллельно с адвокатурой защитил диссертацию и через три года стал компаньоном фирмы. Я был самым молодым компаньоном юридической фирмы во Франкфурте и гордился этим. Кархингер и Кунце дружили с гимназии и университета; Кунце не имел ни жены, ни детей, а у Кархингера была жена, родом с берегов Рейна, а потому жизнерадостная, и сын, мой ровесник, которому со временем предстояло занять место в отцовской юридической фирме; пока же сын Кархингера не без труда справлялся с учебой, и я готовил его к государственным экзаменам. По счастью, мы хорошо ладили друг с другом и ладим до сих пор. Сегодня он является компаньоном фирмы, как и я. Недостаток юридических знаний он компенсирует умением общаться с людьми, благодаря чему фирма обзавелась важными клиентами. Сегодня она насчитывает семнадцать младших компаньонов и тридцать восемь штатных сотрудников, работающих по найму. И в этом тоже его немалая заслуга.

4

Поначалу мне поручали дела, не вызывавшие интереса у Кархингера и Кунце. Дело художника, который, выполнив заказ и получив оплату, вступил в конфликт с заказчиком, администратор нашего офиса передал мне, даже не спросив Кархингера или Кунце.

Карл Швинд пришел не один. Художника, которому на вид было чуть за тридцать, сопровождала женщина лет двадцати; если его всклокоченная грива и джинсовый комбинезон вполне соответствовали духу, царившему летом шестьдесят восьмого года, то его безупречно одетая спутница выглядела рядом с ним чужеродно. Она вела себя непринужденно, холодно разглядывала меня, а когда художник начинал горячиться, успокаивала его, положив ладонь ему на руку.

– Он не разрешает мне фотографировать.

– Вы…

– У меня испорчено портфолио, некоторые работы нужно сфотографировать заново. Я знаю владельцев, созваниваюсь с ними, мне разрешают приехать, сфотографировать мою картину. Все рады мне. А он отказывает.

– Почему?

– Он не говорит. Я ему позвонил, он бросил трубку, а на письмо не ответил. – Художник поднял и опустил руки, сжал кулаки. Руки у него были большие, как и все остальное: фигура, лицо, глаза, нос, рот. – Я привязан к своим картинам. Мне тяжело смиряться с их продажей.

Я объяснил, что по закону нельзя отказать художнику, который пожелает сделать копию, в доступе к его собственной картине.

– Однако ваши законные интересы не должны нарушать оправданных интересов владельца. Нарушаете ли вы чем-либо его интересы?

Вскинув голову и сжав губы, художник мотнул головой. Я вопросительно взглянул на женщину, та, усмехнувшись, пожала плечами. Он назвал мне имя и фамилию владельца картины – Петер Гундлах, сообщил его адрес: фешенебельный район на лесистом склоне Таунуса.

– При каких обстоятельствах пострадало ваше портфолио? Хоть это не имеет решающего значения, но если бы я сумел объяснить причину, почему вам необходимо…

Он опять перебил меня, и я посетовал на себя, как всегда, когда не мог добиться желаемого.

– Я попал в аварию, и портфолио сгорело вместе с машиной.

– Надеюсь…

– Со мной все обошлось. А вот Ирену зажало в машине, и она, – он положил ладонь на ее колено, – получила ожоги.

– Мне очень…

Он махнул рукой:

– Ничего серьезного. Все уже зажило.

5

Я написал Гундлаху, тот сразу ответил. Дескать, произошло недоразумение. Естественно, художник может приехать, чтобы сфотографировать картину. Передав это сообщение Швинду, я счел дело закрытым.

Однако спустя неделю Швинд опять явился ко мне. Он был вне себя.

– Вас не пустили?

– Картина повреждена. Похоже, по правой ноге провели зажигалкой.

– Гундлах?

– Да, он. Говорит, будто случайно. Только это было не случайно, а преднамеренно. Я сразу увидел.

– Чего вы теперь хотите?

– Чего хочу? – Женщина опять сопровождала его, она опять положила ладонь на его руку. Однако он все равно повысил голос. – Чего хочу? Это моя картина. Мне пришлось продать ее, и она теперь висит у него, но это моя картина. Я хочу устранить повреждение.

– Вы предложили ему отреставрировать картину?

– Он не дает. Мол, незначительное повреждение ему не мешает. В дом к себе не пускает, а взять картину из дома нельзя.

История приобретала, на мой взгляд, гротесковый характер, но лица обоих посетителей были серьезными, поэтому я с такой же серьезностью объяснил, что в правовом отношении ситуация непроста.

– Необходимо констатировать наличие повреждения, причем такого, которое наносит ущерб интересам автора. Однако интересы автора подлежат защите лишь в том случае, если поврежденное произведение доступно для обозрения достаточно широкому кругу лиц; в свою очередь, владелец картины может поступать с ней по своему усмотрению, если она не покидает

приватной сферы. Могу вновь послать Гундлаху письмо с изложением тех или иных юридических аргументов. Но если мы передадим дело в суд, то шансы у нас невелики. А что, собственно, изображено на картине?

– Женщина, спускающаяся по лестнице. – Он обвел глазами кабинет. – Это большая картина. Видите дверь? Картина немного больше.

– Конкретная женщина?

– Это жена… – в его голосе появилась упрямая нота, – бывшая жена Гундлаха.

6

Гундлах опять ответил незамедлительно, выразив сожаление по поводу очередного недоразумения. Естественно, он согласен на реставрацию. По его мнению, лучше всего, когда поврежденную картину реставрирует сам художник. Однако выносить картину из дома нельзя, иначе будет потеряна страховая защита из-за нарушения условий хранения. Художник может приходить в любое время. Я переслал письмо Швинду.

Во мне проснулось любопытство, поэтому я справился в книжном магазине насчет изданий о Карле Швинде. Несколько лет назад Франкфуртское художественное объединение устроило выставку его картин и выпустило скромный каталог, больше ничего не нашлось. В живописи я не разбираюсь, поэтому не берусь судить о качестве его картин. Они изображали морской прибой, небо, облака и деревья; интересный колорит; все написано с той расплывчатостью, с какой мне видится мир, когда я снимаю очки. Знакомый и все же немного странный. В каталоге перечислялись галереи, выставлявшие Швинда, и премии, им полученные. Он не был неудачником, но и не добился большого признания, хотя, возможно, считался перспективным. С задней обложки каталога на меня смотрела его фотография: он был слишком крупным для надетого костюма, для стула, на котором сидел, для формата каталога.

Не прошло и недели, как Швинд пришел вновь, опять в сопровождении женщины. Он был действительно очень большой, гораздо крупнее, чем показался мне при первом визите. Рост у меня – метр девяносто, я сухощав, был тогда и нахожусь сейчас в хорошей форме, и ростом он не выше, но так силен и коренаст, что рядом с ним я чувствовал себя едва ли не малорослым.

– Он опять напакостил.

Я догадался, о чем речь, но не хотел опережать моего клиента.

– Что именно?

– Гундлах опять повредил картину. Я два дня корпел над ногой, собирался на третий день закончить работу, но тут обнаружил на левой груди пятно от пролитой кислоты. Краска потекла, запузырилась – надо снять ее, загрунтовать это место заново и переписать.

– А что он говорит?

– Якобы я сам виноват. Он, мол, нашел в моих вещах склянку, которая пахнет так же, как пятно на картине. Он настаивает на реставрации, причем за мой счет, только реставрировать должен другой художник. Мне он больше не доверяет. – Швинд растерянно взглянул на меня. – Что прикажете делать? Я никого не подпущу к моей картине.

– А вы готовы опять исправить поврежденное место? – Я все хуже понимал, как реагировать на события.

– Место? Это не просто какое-то место. Это левая грудь! – Он схватил за левую грудь сидевшую рядом женщину.

Я опешил, но она засмеялась, не устыдившись, не смутившись, а просто весело рассмеялась: губы слегка скривились, на щеках обозначились ямочки. Она была блондинкой, и я ожидал услышать звонкий смех. Но смех получился глуховатым, с хрипотцой, как ее голос.

Она сказала: «Карл!» – сказала ласково, как разговаривают с расшалившимся неловким ребенком.

– Я предложил ему поправить картину. Я даже предложил выкупить ее обратно, если угодно – за двойную цену. Но он не согласился. Сказал, что не хочет меня больше видеть.

7

На сей раз я позвонил Гундлаху. Любезным тоном он выразил сожаление.

– Не знаю, как у него вышла такая оплошность. Понятна его досада и желание восстановить картину в прежнем виде. Я тоже этого хочу, и никто не восстановит картину лучше его. Я ни в чем его не упрекал и не отказывал ему в доверии. Ведь он такой ранимый. – Гундлах засмеялся. – Во всяком случае, по сравнению с людьми вроде вас или меня. Но для художника это, видимо, нормально.

Швинд отреагировал на мое сообщение с облегчением и одновременно с озабоченностью:

– Надеюсь, все обойдется.

Три недели я о нем ничего не слышал. За это время он написал левую грудь заново. Ночью, накануне завершения работы, картина упала на металлический столик, где лежали кисти и краски; на картине остались пятна и появился разрыв.

Гундлах позвонил мне, он был вне себя:

– Сначала кислота, теперь эта напасть… Возможно, он великий художник, однако уж больно неловок. Я не могу заставлять его снова заняться реставрацией. Но я человек довольно влиятельный, поэтому сумею позаботиться, чтобы он перестал получать заказы, пока не отреставрирует картину.

Угроза оказалась излишней. Швинд, явившийся ко мне в тот же день, был готов, даже жаждал заняться реставрацией, хотя на нее понадобилось бы от одного до двух месяцев. Но он пребывал в отчаянии.

– А что, если он потом опять…

– Полагаете, это его рук дело?

– Уверен. Неужели художник не сумеет прислонить картину к стене так, чтобы она не упала? Нет, он свалил ее, а потом вдобавок порезал ножом. Кант у столика тупой, он бы не порвал холст. – Швинд горько усмехнулся. – Знаете, где находится разрыв? Вот тут. – На этот раз он не стал трогать свою спутницу, а коснулся рукой собственного живота и паха.

– Зачем ему это?

– Из ненависти. Он ненавидит картину, на которой изображена его жена, ненавидит жену, которая бросила его, ненавидит меня.

– За что?

– Он ненавидит не картину, а тебя, потому что я ушла от него к тебе. – Женщина покачала головой. – Картина ему безразлична. Он хочет насолить тебе, вот и уродует картину.

– Вместо того чтобы решить дело со мной напрямую, он уродует картину? Разве это по-мужски? – От возмущения Швинд не мог усидеть на месте. Потом все-таки сел, понуро опустив плечи.

Я попытался осмыслить услышанное. Женщина позировала художнику, а потом сбежала с ним от мужа? Поменяла старого на молодого? Выжала из старого при разводе все возможное?

Но моей проблемой был муж, а не она.

– Оставьте в покое Гундлаха и картину. В юридическом отношении он бессилен вам навредить, его угрозу воспользоваться своим влиянием не стоит воспринимать всерьез. Забудьте про картину, даже если это причинит вам боль. Или напишите ее заново, – надеюсь, такое предложение для художника не оскорбительно.

– Не оскорбительно. Но от картины я отказаться не могу. Впрочем… – Он притих, выражение его лица изменилось, исчезло отчаяние, возмущение, презрение; лицо стало детским, и большой мужчина посмотрел на нас спокойно, уверенно. – Знаете, а ведь повреждение на ноге вполне могло быть случайным. Когда Гундлах заметил его, картина ему разонравилась. Он даже подумал, что повреждение поможет ему все забыть, а забвение принесет облегчение. Поэтому в следующий раз он сам повредил картину. Но, увидев картину в прежней красоте, он вновь полюбит ее.

– Гундлах не производит на меня впечатление человека, который поддается воздействию искусства. – Я вопросительно взглянул на женщину, но она ничего не сказала, не кивнула, а только посмотрела на Швинда удивленными и влюбленными глазами, словно радуясь его детскому простодушию. Я сделал новую попытку. – Вы отдаете себя в его руки. Он будет портить картину снова и снова. Вы не сможете заняться собственной работой.

Швинд печально взглянул на меня:

– За последние месяцы я ничего не написал.

8

Он рассчитывал отреставрировать картину за месяц или за два, и я был уверен, что потом он вновь появится в моем офисе. Однако минуло лето, а он так и не появился. В октябре я был занят сложным делом, поэтому не вспоминал о Швинде.

Но однажды утром наш администратор сообщил, что ко мне пришла Ирена Гундлах. На ней были жакет, топик, джинсы, и поначалу мне показалось, что для осени она одета слишком легко, однако, взглянув в окно, я увидел, что утренний туман рассеялся, небо посинело, а листья каштанов поблескивают золотом на солнце.

Подав мне руку, она села.

– Я пришла по поручению Карла. Ему хотелось поблагодарить вас лично, но сейчас у него такой период, когда лучше не отвлекаться от работы. В последние месяцы Гундлах находился в США, не мешал, поэтому Карл не только отреставрировал мой портрет, но и начал новую картину. – Она улыбнулась. – Вы бы его не узнали. Избавившись от проблем с моим портретом, он стал совершенно другим человеком.

– Весьма рад.

Она не поднялась с места, а лишь положила ногу на ногу.

– Счет, пожалуйста, пришлите на мой адрес. У Карла нет денег, он все равно передаст счет мне. – Она заметила в моих глазах вопрос, прежде чем я успел подумать о нем. – Это не деньги Гундлаха. Мои собственные. – Она улыбнулась. – Интересно, какое впечатление производит на вас наша история? Богатый старик заказывает молодому художнику портрет своей молодой жены, а они влюбляются друг в друга и сбегают. Расхожее клише, не правда ли? – Она продолжала улыбаться. – Мы любим расхожие клише за их правдивость. Впрочем… Разве Гундлах уже старик? А Карл все еще молодой художник? – Она рассмеялась, и меня удивил хрипловатый смех женщины с белокурыми волосами, бледной кожей и ясным взором. Смеясь, она чуть прищурилась. – Порой я задаюсь вопросом: так ли уж молода я сама?

Я тоже улыбнулся:

– Разве нет?

Она сделалась серьезной:

– У молодых есть чувство, будто все поправимо – все неудачи, проступки, даже преступления. Если этого чувства нет, а события и поступки оказываются необратимыми, значит мы стареем. У меня такого чувства больше нет.

– Тогда я вообще не был молодым. Моя мать умерла, когда мне было четыре года, – разве такое поправимо? Бабушка не смогла заменить ее.

Она пристально взглянула на меня своими ясными глазами:

– Вы еще никогда не любили, верно? Вероятно, вам следует постареть, чтобы стать молодым. Чтобы найти свою женщину, вернуть себе мать, которую вы потеряли, сестру, которой у вас не было, дочь, о которой вы мечтаете. – Она улыбнулась. – Мы, женщины, становимся всем этим, когда нас любят по-настоящему. – Она встала. – Не знаю, увидимся ли мы снова. Надеюсь, что нет, – пожалуйста, поймите меня правильно. Если мы увидимся снова, все пойдет вверх дном. Не кажется ли вам иногда, что Бог, позавидовав нашему счастью, рушит его?!

9

Мне хотелось бы считать ее слова пустой болтовней и поскорее забыть о ней. Какая разница, ее это деньги или Гундлаха. Главное, денег у нее хватает и работать ей не надо. Бездельница, пустышка. Однако забыть ее не удавалось. Она не шла у меня из головы – нога, положенная на ногу, узкие джинсы, узкий топик, ясные глаза и хрипловатый смех; раскованная, вызывающая, приводящая в смятение. Да, я испытывал смятение, когда она сидела напротив. Еще более сильное смятение я испытал на следующий день, побывав в доме Гундлаха и увидев ее портрет.

Нет, подумал я, когда Гундлах вышел мне навстречу и поздоровался, он вовсе не старик. Лет сорока на вид, худощав, густые темные волосы с проседью на висках, энергичные движения, энергичная манера говорить.

– Спасибо, что пришли. У нас сложились непростые отношения с вашим клиентом. Уверен, нам с вами будет легче.

Я не собирался ехать к Гундлаху в Таунус. Мне хотелось настоять, чтобы он приехал ко мне, коль скоро ему от меня что-то нужно. Однако он позвонил нашему администратору, и тот договорился с Гундлахом о моем визите.

– Не принять приглашение Гундлаха? Вам предстоит еще многому научиться.

Администратор перечислил фирмы, которыми владел Гундлах, обрисовал размеры его состояния и влиятельность. Пришлось поехать, в доме меня встретил камердинер, провел в фойе, где я некоторое время сидел, ожидая Гундлаха и борясь со своей гордыней.

Задело мою гордыню и то, что Гундлах взял меня под руку. Он провел меня в салон. Справа окна с видом на равнину, слева книжные стеллажи, прямо передо мной на белой стене – картина. Я остановился, не мог не остановиться, и Гундлах отпустил мою руку. Вы еще никогда не любили… когда нас любят по-настоящему… Бог завидует нашему счастью… Все, что было сказано накануне, теперь обещала она, обнаженная, спускаясь по лестнице.

– Да, – сказал Гундлах, – прекрасная картина. Но на ней лежит какое-то проклятье. Ноги, грудь, пах, одно повреждение за другим. – Он покачал головой. – Закончились ли эти повреждения? Не уверен. А вы?

– Я…

– А что, если повреждениям не будет конца? И Швинд будет являться сюда снова и снова? Я не хочу видеть его у себя, пусть лучше пишет новые картины, а не реставрирует старые. Но он не может иначе. Вот и приходится пускать его в дом для реставрации, как того требует закон. Так ведь?

Он смотрел на меня дружелюбно, иронически. У него были свои адвокаты, поэтому он знал, что юридические позиции Швинда весьма слабы. Понимал я и то, что должен делать вид, будто эти позиции сильны. Я не мог подвести своего клиента. Не мог и сказать Гундлаху, что он ведет с моим клиентом нечестную игру. Я кивнул.

– Швинд хотел бы вернуть себе картину. У него такое чувство, что, пока картина у меня, не будет покоя ни ему, ни ей. Разве вы не согласны, что у всего есть свое место? Если что-то окажется не на своем месте, покоя не будет. Ни картине, ни людям.

– Если вы хотите покоя, как и мой клиент, то он готов выкупить картину.

– Он уже делал мне это предложение. Но утратила покой не только картина. Видите, как женщина спускается по лестнице? Собранно, спокойно, свободно? Однако, спустившись вниз, она лишилась покоя. Потому что оказалась там, где ей не место.

– Но ваша жена не производит впечатления, будто…

– Не перебивайте меня! – Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя от моей дерзости. – Впечатления обманчивы. Разве картина не производит приятного впечатления, хотя на ней лежит проклятье? Важно не впечатление, которое производит моя жена, а то, что она лишилась внутреннего покоя. И важно, чтобы она обрела его вновь.

Я подождал, не продолжит ли он говорить. Но Гундлах встал и принялся рассматривать картину.

– Не понимаю, что… – Он повернулся ко мне. – Завтра сюда придет Швинд. Я должен принять отреставрированную картину. Если с картиной до завтрашнего дня что-либо произойдет, если Швинд в таком случае вновь обратится к вам, если он придет к вам без моей жены, если он попросит вас подготовить необычную сделку – исполните его просьбу. Необычное имеет свойство приводить нас в замешательство, но порой необычное и есть то, что нужно. Разве мы не живем в необычные времена? А сделка бывает порой очень важной, даже если ее нарушителя нельзя привлечь к ответственности по суду.

Я не понял его, но мне не хотелось вновь признаваться, что я ничего не понял. Увидев это по моему лицу, он усмехнулся, опять взял меня под руку и вывел обратно в фойе.

– Не обижайтесь, но юристы зачастую слишком обычны. Я чувствую это, когда вижу юриста, столкнувшегося с необычной проблемой.

10

По пути домой я понял, что влюбился в Ирену Гундлах.

Я понял это, хотя у меня не было опыта любви. Мне нравилась наша учительница математики, маленькая женщина с живыми глазами, звонким голосом и в короткой юбке. Однажды я тайком прикрепил к багажнику ее велосипеда красную розу. А еще была девочка из нашей школы, на которую я всегда засматривался; оказавшись где-нибудь в городе, я надеялся встретить ее и сделать то, на что не осмеливался в школе, – заговорить с ней, а она обрадуется мне и ответит. Иногда я целыми днями не мог думать ни о чем другом, только о ней, о том, чем она сейчас занимается и что сделать, чтобы обратить на себя ее внимание, понравиться ей, а еще о том, что будет, если мы окажемся наедине. Накануне трудной контрольной работы по математике мне предстояло хорошенько подготовиться, поэтому я решил не думать о девочке, пока не напишу контрольную, и наваждение само собой исчезло. Когда я учился в университете, девушек на юридическом факультете почти не было, а со студентками других факультетов я почему-то не общался. Во время каникул я подрабатывал на складе запчастей, где, кроме водителей автопогрузчиков и нескольких студентов, работали одни женщины. Они отпускали в наш адрес похабные шуточки, делали нам непристойные предложения, я смущался, не зная, как реагировать. Одна работница нравилась мне, она была тише других, молодая, темноволосая, с добрыми глазами; в последний день работы я задержался у проходной, поджидая ее. Но, выйдя из проходной, она прямиком направилась к парню, который стоял, прислонившись к дереву, на противоположной стороне улицы.

Возможно, если у тебя есть мать или сестра, легче научиться общению с женщинами и любви. Когда моя мать умерла, отец отдал меня своим родителям, которые были готовы баловать меня, как обычно дедушки и бабушки балуют внуков, но не хотели заниматься моим воспитанием. Эту задачу они выполнили, воспитав своих четверых детей, я не мог им дать ничего нового, поэтому отношение ко мне было практичным и сдержанным. Не то чтобы мне

чего-то не хватало. Я брал уроки игры на пианино, занимался теннисом, учился танцевать и водить машину. Но бабушка и дедушка давали мне понять, что этим их обязанности исчерпаны и желательно, чтобы в остальном я оставил их в покое.

Я представлял себе, что однажды встречусь с женщиной, мы понравимся друг другу, начнем встречаться, будем нравиться друг другу все больше, встречаться все чаще, сблизимся еще сильнее и в конце концов полюбим друг друга. Через несколько лет так и получилось с моей будущей женой. Она поступила в нашу юридическую фирму стажеркой, была исполнительна и дружелюбна; она принимала мои предложения сходить в ресторан, оперу или музей – сначала раз в неделю, потом чаще, мы сблизились и поженились после того, как она сдала второй государственный экзамен. Десять лет назад ее не стало. Когда дети подросли, она занялась муниципальной политикой, ее избрали депутатом городского совета. За несколько дней до перевыборов она попала в аварию. До сих пор не понимаю, как у нее утром в крови оказалась одна целая и шесть десятых промилле алкоголя, как ее угораздило врезаться в дерево на пустом шоссе. В полиции меня спросили, не была ли она алкоголичкой. С чего бы это моей жене быть алкоголичкой?

Страстное чувство, охватившее меня по отношению к Ирене Гундлах, оказалось слишком сильным, я был совершенно не готов к нему; к счастью, позднее со мной такого больше никогда не случалось. По дороге обратно во Франкфурт мне пришлось остановить машину – настолько я был оглушен. Вот, значит, каким бывает счастье, для которого нужна одна-единственная женщина, ее близость, ее голос, ее нагота. Она еще не шагнула с лестницы своей старой жизни в жизнь новую. Что, если это будет шаг в мою жизнь?! Если она каждое утро будет входить в мою жизнь, оказываться в моих объятьях?!

11

Не дождавшись в среду вечером телефонного звонка от директора детективного агентства, я сам позвонил ему в четверг утром. Сделав несколько безуспешных попыток, я лишь в одиннадцатом часу сумел дозвониться до секретарши, которая соединила меня с шефом по мобильнику. По моим представлениям, солидное детективное агентство должно иметь собственный колл-центр, работающий круглосуточно или, по крайней мере, с самого раннего утра.

– Я же сказал вам, что нам может понадобиться несколько дней.

– Я сегодня должен улететь в Германию.

– У меня есть номер вашего телефона. Не дадите ли и адрес электронной почты? Я немедленно извещу вас, когда удастся что-либо найти.

– Прикажете опять лететь сюда?

Он рассмеялся:

– Как вам будет угодно.

Смех был добродушным, я сразу представил себе пожилого человека с лысиной и брюшком. Опять лететь сюда? Глупый вопрос. Сообщив адрес электронной почты, я повесил трубку. Потом, стоя у окна, я смотрел на порт, на здание Оперного театра с надутыми бетонными парусами, на голубой залив с большими и маленькими кораблями, на зеленую полоску земли в оконечности залива, за которой простиралось открытое море. Светило солнце. Можно, пропустив завтрак, пораньше пообедать в ресторане Ботанического сада, потом опять поваляться на траве. Можно зайти в магазин кожаных изделий неподалеку от отеля, взять там рюкзачок, выбрать в книжном магазине книжку, купить бутылку красного вина, читать, попивать вино, дремать, засыпая и просыпаясь.

Я подумал о рейсе, которым следовало бы улететь во второй половине дня, о завтрашнем прилете во Франкфурт, о том, как доберусь домой, открою дверь, распакую чемоданы, приму душ, побреюсь, оденусь, поеду в офис, поздороваюсь с коллегами. Представил себе, как буду

разговаривать с водителем, отвечать на вопрос, хорошо ли съездил, и спрашивать, что новенького произошло во Франкфурте за время моего отсутствия. Подумал о цветах, которые секретарша поставит к моему приходу на письменный стол.

Я думал о ритуале возвращения домой, и мне стало грустно. Я добросовестно соблюдал его на протяжении многих лет, отчего сами эти годы превратились в добросовестно исполняемый ритуал: одно дело следовало за другим, клиент за клиентом, контракт за контрактом. Слияние фирм или их поглощение – это был мой конек, ради этого ко мне обращались клиенты, об этом же шла речь в контрактах. За прошедшие годы я изучил все факторы, которые следует учитывать, все вопросы, которые необходимо выяснить. Я учитывал одни и те же факторы, выяснял одни и те же вопросы. Проблемы возникали лишь тогда, когда одна из сторон пускала в ход какие-либо уловки. Но я изучил и все уловки.

Я позвонил шефу франкфуртского бюро путешествий, с которым обычно имел дело. Было поздно, я не застал его в офисе, однако дозвонился домой. Он пообещал перебронировать мой авиабилет на другой день. На какой? Еще неизвестно? Тогда он просто передвинет мой отлет на две недели, дату можно еще раз сдвинуть вперед или назад. Он пожелал мне хорошо провести время.

Я надел вчерашний костюм, помятый, с пятнами от травы и земли. Я вдруг испугался принятого решения отложить отъезд. Мне показалось, будто вся моя жизнь держится исключительно на ритуалах, исполняемых мной на работе, по возвращении домой или в различных поездках. Как жить без них? Может, не откладывать полет? Но я не стал менять решение.

12

Я не мог провести весь день в Ботаническом саду, не посетив Художественную галерею. Я вновь застыл перед картиной, и женщина опять смутила меня. Не своей наготой и не тем, что напомнила мне о давней истории, а тем, что я увидел ее иной, не той, которая оставалась в моей памяти. Где были раньше мои глаза?

Женщина спускается по лестнице не для того, чтобы играть на пианино или пить чай, не потому, что внизу ее с радостью ожидает любовник. Она идет, склонив голову и опустив глаза, будто кто-то принуждает ее, но она смирилась с принуждением. Будто она сопротивлялась, но прекратила сопротивление, ибо тот, кто ее принуждал, оказался слишком могущественным. Будто она надеется на пощаду, снисхождение, милосердие только ценой кротости, соблазнительности, готовности отдаться. Ей приходится считаться с тем, что ее могут просто взять силой. Или она сама этого хочет? Только не признается в своем желании ни другому, ни самой себе?

Мне довелось видеть в одном музее картины девятнадцатого века, изображавшие белых рабынь в арабских или турецких гаремах. Колонны, мрамор, атласные подушки, веера, обнаженные женщины в обольстительных позах, томные взоры. Дешевка, думал я. Может, женщина, спускающаяся по лестнице и идущая мне навстречу, тоже дешевка? Не знаю. Сочетание насилия и соблазна, непокорности и готовности отдаться смущало меня. Это была та сфера, где мне никогда не доводилось соприкасаться с женщинами. Это совершенно расходилось с моим тогдашним представлением об Ирене Гундлах. Или я тогда ничего не понял?

Мне не хотелось думать об этом. К счастью, у меня была с собой книга, бутылка красного вина. Я не люблю романов, предпочитаю книги по истории. Все-таки реальные события – это нечто иное, чем людские фантазии. Когда мы учимся у истории, то учимся на реальных событиях, а не на выдумках сумасбродов, пусть даже гениальных. Тот, кто считает, будто романы интереснее истории, просто не способен напрячь собственное воображение и представить себе реальное историческое событие: Цезарь любит Брута как сына, а тот закалывает его кинжалом; ацтеки вымирают от болезней, завезенных белыми, даже не успев сразиться с ними;

женщины и дети из наполеоновского обоза, которых втаптывают в снег при Березине или сталкивают в ледяную воду. Трагедии и комедии, удача и невезение, любовь и ненависть, ликование и скорбь – история щедра на все. Романам не дано быть щедрее.

Я читал об истории Австралии, об арестантах-кандальниках, о переселенцах, о компаниях, осваивающих новые земли, о золотоискателях и китайцах. Сначала аборигены гибли от заразных болезней, позднее их истребляли и наконец у них начали отбирать детей. Это делалось из благих намерений, но принесло много горя и родителям и детям. Как говорила моя жена, противоположностью добра является не зло, а благое намерение, чему она находила множество подтверждений. Зато противоположностью злу служит не злое намерение, а добро.

13

Как и предсказывал Гундлах, на следующий день в офис явился Швинд. Он пришел прямо от Гундлаха, сел в кресло перед моим письменным столом, понурив голову и сцепив руки. Он молчал до тех пор, пока у меня не лопнуло терпение. Но и заговорив, он не поднял голову и не расцепил рук.

– Когда я пришел к Гундлаху, картина висела на стене. Я показал ему исправленные места, он осмотрел их, похвалил работу. Потом достал складной нож, открыл его, провел по холсту, закрыл нож и положил его в карман. Я мог бы остановить его, так как он сделал свое дело без спешки. Но я был словно парализован. Потом он с улыбкой сказал:

– Ну, это вы быстро исправите. – (Он был прав, порез был небольшой и сделан там, где написана лестница.) – Но покой вы обретете лишь тогда, когда вернете себе картину, а я верну себе то, что принадлежит мне. Ступайте к своему адвокату, попросите его подготовить контракт.

– Контракт? – переспросил я.

– Все надлежит оформить как положено, – сказал он.

Подняв голову, Швинд взглянул на меня:

– Вы сможете сделать это? Составить контракт, по которому я получу назад картину, а он Ирену?

Я ничего не ответил, но по моему лицу он увидел, как я ужаснулся.

– Мне необходимо вернуть картину, необходимо! Неужели вы думаете, что я допущу, чтобы Гундлах ее снова изуродовал? Или даже уничтожил? Ее нельзя было продавать, следовало вернуть аванс, когда у меня начался роман с Иреной, а картину забрать. Боже мой, каким я был идиотом, каким идиотом! Теперь я знаю: писать я в состоянии лишь тогда, когда могу решать, что будет с моей картиной. Некоторые свои картины я уничтожал сам. Потому что видел фальшь. А в этой нет фальши. Однажды она будет висеть в Лувре, музее Метрополитен или Эрмитаже. Вы мне не верите? Вы правы, мне нужны деньги, поэтому я буду рад, если удастся продать ее в Берлин, Мюнхен или Кёльн. Значит, в музее Метрополитен будет висеть другая моя картина. Но однажды в Нью-Йорке состоится выставка моих лучших полотен, тогда Берлин отдаст на время эту картину в Нью-Йорк. – Он говорил все более взволнованно, размахивая руками, сжимая кулаки. Неожиданно он рассмеялся. – Возможно, когда-нибудь на большом вернисаже я увижу эту картину и вспомню вас. – Продолжая смеяться, он покачал головой. – Потом он снова распалился. – Но картина попадет в Нью-Йорк не раньше, чем Берлин испросит мое разрешение. Никогда больше не продам картину, не оговорив, что сам буду решать ее судьбу, кому ее можно продать, а кому временно предоставить для экспозиции. Думаете, покупатели не согласятся на такие условия? Да они будут драться за мои картины, пойдут на любые мои требования. Вы мне не верите, я знаю. Не верите, что любой набросок из моего блокнота сможет вас озолотить. Вы предпочитаете брать деньги от Ирены. Вы считаете меня недостаточно одаренным, недостаточно пробивным или же слишком сумасбродным

для арт-рынка. – Я попытался возразить, но он отмахнулся, не дав перебить себя. – Вы полагаете, что мне следовало бы писать абстрактные картины или хотя бы, как Уорхол, консервные банки, бутылки кока-колы, Мэрилин Монро. Вот что вам нравится, признайтесь. Здесь, в офисе, у вас висят старинные гравюры, но дома у вас красуются «Гёте» или «Бетховен» Уорхола, потому что вы хотите показать, что образованны и не старомодны, что любите все современное. Не так ли?

Тон его был презрительным, взгляд враждебным. Я хотел объяснить ему, какие картины висят у меня дома и почему, но потом решил, что это его не касается, пусть думает обо мне что угодно.

– Неужели картина для вас важнее, чем ваша подруга?

– Вы не знаете, о чем говорите. Что вы смыслите в моей картине? Что вы смыслите в женщине? Ровным счетом ничего, ни в картине, ни в женщине. Возможно, она сама хочет вернуться к мужу. Ведь он дает ей комфорт – с прислугой, путешествиями, конным спортом, теннисом, деньгами. Вы ее об этом спрашивали? Что она станет делать, когда ее собственные деньги закончатся, а мои картины еще не начнут толком продаваться? Наймется домработницей? Уборщицей? Пойдет на фабрику? И вообще, какое вам до этого дело?

– Я должен составить контракт. Непристойный контракт. А вы спрашиваете, какое мне до этого дело.

– Успокойтесь. Ирена Гундлах – взрослая женщина. Какой бы контракт вы ни составили, что бы мы с ее мужем ни подписали, она поступит так, как пожелает. Если я ей скажу, что все кончено, а он ей скажет, что она вновь принадлежит ему, то она пошлет его к черту, а мне не поверит. Нет, не говорите мне о непристойности. Двое мужчин попали в передрягу, они хотят поправить дело, но удастся ли им сделать это, целиком зависит от женщины. Старая история.

Сказав заключительную фразу, он успокоился. Резкость теперь сочеталась у него с самообладанием. Он поднялся:

– Я согласен на любые условия. Пусть он решает, где, когда и что должно произойти. Вы знаете, как меня найти.

14

Если бы сегодня кто-то из клиентов обратился ко мне с подобным предложением, я бы указал ему на дверь. Но тогда я не знал, что сказать, и лишь молча смотрел, как Швинд покидает кабинет.

Посоветоваться с одним из старших адвокатов? Однако моя неплохая репутация в нашей фирме объяснялась отчасти тем, что я никогда не просил совета и решал все проблемы сам. Я подумал было о судье, у которого начинал стажером и с которым у меня сложились особенно доверительные отношения. Но я догадывался, чтó он мне скажет.

У администратора зазвонил телефон: это был Гундлах. Неужели он нанял детектива, который следил за Швиндом и доложил, когда тот пришел в офис и когда ушел?

– Подготовьте текст контракта сами. Не стану вмешиваться в работу профессионала. Но позвольте дать рекомендацию по процедуре. Гундлаху с Иреной лучше всего приехать ко мне. Мы немного побеседуем, Швинд отнесет картину в машину, якобы намереваясь сразу вернуться, чтобы забрать Ирену, но на самом деле уедет с картиной. Когда я объясню Ирене, что Швинд обменял ее на картину, она поймет, с кем ей следует остаться.

– А если нет?

Он рассмеялся:

– Это уж моя забота. Я ее знаю. Она ушла от меня, когда у нас было трудное время; она решила, будто нашла настоящую любовь – не со мной, а с ним. После того как он обме-

няет ее на картину, Ирена поймет, где настоящая любовь. – (Я промолчал.) – Алло? Вы мне не верите и спрашиваете себя, что будет, если она все-таки не поймет этого? Не бойтесь, я не посажу ее на цепь, не запру в подвале. А если она захочет вызвать такси, вызову ей такси. – Его голос сделался властным. – Одним словом, составьте текст контракта, дайте его на подпись Швинду и мне, потом назначьте время встречи. – Он положил трубку.

Посадит на цепь и запрет в подвале? Вряд ли. А если он ее похитит, спрячет где-нибудь? На своей загородной вилле, на своем острове в Эгейском море? Усыпит ее, и очнется она на яхте или в самолете. Тогда ей придется сделать хорошую мину при плохой игре, написать мне открытку, что, мол, проводит с Гундлахом новый медовый месяц.

Мне представился их разговор, затем борьба, попытка усыпить. Справится ли Гундлах сам? Или камердинер будет держать Ирену, а Гундлах сунет ей в лицо тряпку с хлороформом? И они вместе отнесут ее в машину? Гундлах сам сядет за руль? Потом мне пришел в голову другой вариант. А если Швинд обманет Гундлаха? Расскажет все Ирене? И она поможет Швинду забрать картину, чтобы потом скрыться? Но Гундлах этого не допустит, у него есть надежные люди; он настигнет обоих и накажет Швинда, а ее увезет. Или разозлится так, что накажет и ее? Велит избить, изнасиловать, изуродовать? Нет, Швинд наверняка понимает, что не сумеет обмануть Гундлаха. Сделка состоится.

15

Гундлах ушел на покой лишь несколько лет назад, передав компанию своей дочери. Наделенный предпринимательским даром, он открыл филиалы в Восточной Европе, Америке и Китае, консультировал Коля и Шрёдера по экономическим вопросам объединения Германии и, если бы пожелал, мог бы возглавить Федеральный союз немецкой промышленности. Иногда мы виделись с ним на различных приемах. Своего обещания вспомнить обо мне в случае удачной сделки со Швиндом Гундлах не исполнил.

Да, я устроил сделку Гундлаха и Швинда, как они хотели. Составил контракт, который предусматривал передачу картины Швинду в соответствии с предложением Гундлаха, дал обоим заготовленный текст на подпись. Передачу картины назначили на семнадцать часов в воскресенье.

Кроме того, я решил предупредить Ирену. Но как? Вызвать ее в офис? Попросить, чтобы она пришла одна? А если Швинд за ней все же увяжется? А если она сочтет мое приглашение странным и не согласится? Я знал, где она и Швинд снимают квартиру, а потому, взяв отгул, поехал туда и припарковал машину так, чтобы видеть подъезд многоэтажного дома. Ждать пришлось недолго. В девять утра она вышла из подъезда, пошла по улице; я двинулся за ней следом по другой стороне. Мы сели в метро в сторону центра. Сутолока у выхода из метро помогла мне придать нашей встрече видимость случайности.

– Как хорошо, что мы встретились. Дело приобрело необычный оборот, это мне и хотелось бы обсудить с вами. У вас найдется для меня несколько минут?

Удивилась ли она? Ирена отреагировала спокойно, с улыбкой сказала:

– Я иду на другой берег. Проводите?

Миновав старый центр, мы перешли через мост, разговаривая о том, как изменился облик города, о предстоящих выборах, о том, что выдалась хорошая осень. Над рекой еще висел утренний туман, но пестрая листва деревьев уже поблескивала на солнце. Мне вспомнилось, что во время ее первого визита в мой офис тоже светило солнце и блестела листва.

Мы сели на скамейку, я рассказал Ирене, как побывал у Гундлаха, о визите Швинда в офис, о составленном контракте, который я дал обоим на подпись. Рассказал о своем опасении, что Гундлах сделает с ней что-нибудь недоброе, если она воспротивится его замыслу. Не знаю, как она восприняла услышанное. Я не смотрел на нее. Я глядел на реку, на город,

видел, что туман слоится и рассеивается. Когда я начал говорить, город еще был окутан туманом, а когда закончил, уже вовсю сияло солнце.

Взглянув наконец на нее, я заметил в ее глазах слезы и тут же отвернулся.

– Ничего, – сказала она голосом, в котором уже не слышалось слез, – просто пара слезинок. – Помолчав, она спросила: – Зачем нужен контракт? Что он им даст?

– Думаю, Гундлах хочет, чтобы договоренность была оформлена в виде письменных обязательств, хотя они и не имеют юридической силы. В прежние времена он вызвал бы Швинда на дуэль.

– А вам, что дает контракт вам?

– Если бы я отказался его составлять, Гундлах нашел бы другого адвоката. Тогда я не узнал бы, как он и Швинд намерены поступить с вами.

– Разве адвокат может так себя вести? Сначала представлять интересы одного из моих мужчин, потом сговориться с другим и наконец все рассказать мне?

– Мне все равно.

Она кивнула:

– Значит, в воскресенье. Нет, ни яхты, ни самолета у моего мужа нет, и острова тоже. А вот загородная вилла есть. Неужели он впрямь смог бы увезти меня туда под наркозом? Не знаю.

– У вашего мужа? Разве вы не разведены?

– Он не дает согласия, а его адвокаты затягивают развод. – В ее голосе послышалось раздражение, и я не понял, чем его объяснить – несогласием Гундлаха или моим любопытством.

– Извините…

– Вам не нужно постоянно извиняться.

– Я… – Мне хотелось возразить, что я вовсе не извиняюсь постоянно, однако я промолчал. Я сидел, не зная, как сказать, что хочу ей помочь, что готов сделать для нее все возможное, все ей отдать, что я люблю ее.

– Ну и влипла же я с обоими моими мужчинами! Один хочет продать меня, другой, похоже, готов меня насильно увезти. – Она усмехнулась. – А вы? Чего хотите вы?

Я покраснел:

– Я… я причастен к тому, что вы оказались в такой ситуации, и хочу сделать все, что в моих силах, чтобы вы выпутались из нее. Если я вам… если бы вы меня…

Она взглянула на меня – удивленно, растроганно, сочувственно? Я не мог истолковать ее взгляд. Потом, улыбнувшись, она провела ладонью по моей голове, затылку, плечам, затем коротко обняла:

– Я попалась в руки злодеев, но не пропаду. Придет добрый рыцарь и спасет меня.

– Вы смеетесь надо мной? Я не считаю себя каким-то особенным. Просто я… я люблю тебя.

16

Я люблю тебя – я сразу почувствовал, что говорить «тебя» было неправильно. Однако «я люблю вас» звучало бы не лучше. Наверное, если «я люблю тебя» звучит неправильно, следует промолчать. Но когда душа переполнена, слова сами рвутся наружу. Мне тут же захотелось исправить ошибку, объясниться.

– Это случилось, когда ты пришла в офис. Ты говорила о любви, о том, что, когда женщину любят по-настоящему, она становится возлюбленной, матерью, сестрой, дочерью, говорила о счастье, которое дарится любовью, таком большом счастье, что нам завидует Бог. При этом ты улыбалась, и в улыбке были счастье, боль, мудрость и обещание… Нет, мне ты ничего не обещала, ничего такого, на что я бы мог рассчитывать, вовсе нет… это обещание

было… космическим, я знаю, ты говорила о любви и о женщинах вообще… Но… ты и есть для меня такая женщина, поэтому любить тебя и быть любимым – это…

– Тсс, – она опять положила руку мне на плечи и притянула к себе, – тсс… – (Я умолк, надеясь продлить объятье, и закрыл глаза.) – Если ты действительно хочешь мне помочь…

– Что надо сделать? – Я открыл глаза. – Что?

– Ты мог бы… – Замолчав, она убрала руку с моих плеч. Я тоже выпрямился. Наконец она заговорила, сначала медленно, потом все решительней: – Когда в воскресенье мы поедем к Гундлаху… Карл не захочет брать мою машину, возьмет свой микроавтобус «фольксваген». Я могу… я дам тебе свои ключи от микроавтобуса. Когда мы зайдем в дом Гундлаха, ты проберешься в микроавтобус и спрячешься за водительским сиденьем. Карл вынесет картину из дома, положит в машину, захлопнет дверцу. Тут важно, чтобы ты сразу уехал. Чтобы сразу рванул с места. Если Карл сумеет распахнуть дверцу и запрыгнуть в машину, все пропало. Если же все получится… Я уверена, Карл подумает, что Гундлах решил его обмануть, бросится в дом, начнет винить Гундлаха, и я, пока оба будут спорить, сумею улизнуть. За домом Гундлаха дорога делает поворот. Там кончается сад, ты притормозишь, подождешь меня, я перелезу через стену и сяду к тебе в машину.

Я постарался отреагировать с таким же хладнокровием, с каким она изложила свой план.

– А Швинд припаркуется так, чтобы мне не пришлось разворачиваться?

Она кивнула:

– Я позабочусь об этом. О воротах не беспокойся, их закрывают только на ночь. – Ирена улыбнулась мне. – Если ты рванешь с места, как только захлопнется дверца, и если я убегу, как только мои мужчины сцепятся, у нас все получится.

Мне не понравилось, что она сказала «мои мужчины», но я промолчал. Я представил себе спускающийся по склону холма участок перед домом Гундлаха, дорожку от ворот к дому, деревья и парковку. Да, пожалуй, я сумею незаметно забраться в микроавтобус. Я не знал, что произойдет, если план сорвется, я зашел за черту, которую никогда не переступал. Но я был полон решимости.

– А когда ты сядешь ко мне в машину, куда мы поедем?

Она опять провела ладонью по моей голове:

– Куда ж еще?

17

Это могло означать только одно – ко мне. Я был счастлив. Теперь мы вместе. Мы вместе сделаем дело, вместе победим, вместе сбежим. Но бежать не обязательно, можно остаться – в чем ее могут обвинить? А меня? Я размечтался о нашей совместной жизни. Снимем ли мы большую квартиру или маленький дом, станет ли она ухаживать за садом, готовить еду, чем будет заниматься с утра до вечера, любит ли она путешествовать и куда предпочитает ездить, много ли она читает и что, если?..

– Мне пора. – Оборвав мои мечтания, она встала.

Я тоже встал:

– Можно тебя проводить?

– Здесь всего несколько шагов. – Она показала на Музей прикладного искусства.

– Ты…

– Я там работаю. Занимаюсь дизайном.

Внезапно я почувствовал страх. У красивой женщины, с которой мне грезилась совместная жизнь, уже была своя жизнь. У нее была профессия, она заработала достаточно денег или получила наследство, у нее были мужчины, Швинд и Гундлах появились не слу-

чайно, а по осознанному выбору. «Занимаюсь дизайном». Она сказала это так коротко, словно не хотела сообщать мне больше самого необходимого.

– Когда ты передашь мне ключи?

– Я брошу их в почтовый ящик. Где ты живешь?

Я назвал свой адрес.

– Тебе придется позвонить у входа. Ящик висит в подъезде. Когда ты придешь?

– Не знаю. Если тебя не будет дома, стану нажимать все кнопки подряд, пока кто-нибудь не откроет.

Она зашагала прочь. Пошла по набережной, пересекла улицу, зашла в музей. Переходя улицу, посмотрела направо и налево, проверяя, нет ли машин; она могла бы оглянуться на меня, махнуть рукой, но не стала.

Я вновь сел на скамейку. Вернуться в офис, чтобы сделать начавшийся день обычным рабочим днем? Этого мне не хотелось. Вспоминая в Ботаническом саду то утро у реки, я подумал, что потом ни разу не позволил себе просто бездельничать целый день. Разумеется, бывали дни, которые я посвящал моей невесте, потом жене или детям и не работал. Но в эти дни я выполнял свои обязанности по отношению к невесте, жене или детям или делал что-то полезное для собственного здоровья, для самообразования, для поддержания отношений. Интересные занятия, приятное разнообразие, чтобы отвлечься от работы. Но часами просто сидеть, глазеть по сторонам, щурясь от солнечного света, найти ресторан, побаловать себя вкусной едой и хорошим вином, пройтись, затем снова подыскать место, чтобы посидеть и поглазеть по сторонам, щурясь от солнца, помечтать – такое было со мной лишь в тот раз и случилось опять только теперь, в Сиднее.

Я спросил себя, о чем я тогда мечтал. Наверняка о совместной жизни с Иреной. Но наверняка не только об этом. Как теперь мне вспоминается прошлое, так и тогда я, пожалуй, вспоминал прошлое. Вероятно, оно увиделось мне в новом свете, поскольку я был на пороге обретения счастья. Возможно, мое детство у бабушки и дедушки показалось мне теперь не безрадостным временем, а шагом к свободе, и, думая о своей профессиональной карьере, я думал не о ее тяготах, а об успехах, и при мысли о своих несостоявшихся романах с женщинами я думал не о неудачах, а о предвестии счастья.

Я не жалуюсь на старость. Не завидую юности, что у нее вся жизнь впереди; я бы не хотел повторить свою юность. Но я завидую короткому прошлому юности. Когда мы молоды, наше прошлое еще вполне обозримо. Мы можем придать ему некий смысл, хотя всякий раз он, вероятно, будет иным. А теперь, оглядываясь назад, я не знаю, что́ в прошлом было для меня бременем, а что подарком, справедлива ли цена, которую пришлось заплатить за успех, и что исполнилось в моих встречах с женщинами, а что не далось мне в руки.

18

В пятницу я опять навестил картину. Художественная галерея была переполнена школьниками и учителями. Мне нравилась детская разноголосица: она напоминала мне переменки на школьном дворе или летние дни в открытом бассейне. Перед картиной стояла группа подростков, обсуждавших фигуру женщины. Не широковаты ли бедра, не толстоваты ли ноги, не маловаты ли ступни, симметрично ли посажены художником соски? Я не подошел к картине, но стоял близко от мальчишек, и, смутившись моим присутствием, они ретировались.

Я не находил в изображенной женщине никаких изъянов. Но и видел ее иной, чем в последний раз. Да, в ней была кротость, был соблазн и готовность отдаться. Она уже не сопротивлялась. Но и не сдалась окончательно. В том, как она держала голову, опустила глаза, сжала губы, чувствовалось тайное сопротивление, протест, непокорность. Она никогда

не подчинится тому, в чьей власти она находится. Она будет подыгрывать ему. Однако в конце концов ускользнет от него, вырвется на волю.

Мог ли я уже тогда догадаться, вообразить, как развернутся события дальше. Я находился в доме Гундлаха совсем недолго, не успел толком рассмотреть картину. А если бы я поглядел на нее подольше? Понял бы что-нибудь?

Вечером того дня, когда мы сидели на берегу реки, она не пришла. Я взял отгул и на следующий день; мне хотелось быть дома, когда она придет, чтобы передать ключи. Я пораньше сходил в магазин за покупками, а вернувшись, не без боязни заглянул в почтовый ящик. Ключей еще не было. Я человек аккуратный, даже педантичный, поэтому мне не требовалось к приходу Ирены Гундлах приводить квартиру в порядок. Но я поставил в вазу цветы и наполнил блюдо фруктами. Опасаясь, что Ирене не нравятся педанты, я вынул пару яблок из блюда, катнул их по столику, книги и журналы разбросал на полу возле кресла, а на письменном столе небрежно разложил исписанные листы черновика задуманной статьи.

Ирена пришла в субботу. Она позвонила, и я, даже не выглянув в окно, понял, что это она, но не стал нажимать на кнопку, а бросился по лестнице вниз, чтобы открыть дверь подъезда.

– Я только хотела… – Ключи она держала в руке.

– Поднимемся ко мне. Нам надо поговорить.

Она пошла по лестнице впереди меня, быстрым шагом, я смотрел на ее ноги в туфельках без каблуков, на голые щиколотки, на бедра и ягодицы, туго обтянутые брючками, короткими, чуть ниже колен. Дверь в квартиру я оставил открытой, Ирена вошла медленно, оглянулась, но все же вошла, словно в ее визите не было ничего необычного. Пройдя в большую комнату, которая служила мне гостиной и кабинетом, она сначала шагнула к окну, посмотрела на улицу, потом на письменный стол, увидела исписанные листы.

– Что ты пишешь?

– Верховный суд вынес решение по авторскому праву… – Я запнулся. Внизу я не обнял ее, мне захотелось сделать это теперь, но я подумал, что выгляжу нелепо: малосимпатичная улыбка, слишком длинные руки и слишком большие ладони, неуклюжие движения. Я не решился подойти к ней.

– По авторскому праву? А что мы должны обсудить?

– Может, присядешь? Хочешь чаю, кофе или?..

– Ничего не нужно, я спешу.

Однако она все же села в кресло, вокруг которого на полу лежали книги и журналы, а я сел в кресло напротив.

– Завтра я поеду к дому Гундлаха… Это ведь богатый квартал. Моя машина не бросится в глаза, если я припаркую ее просто на улице? Не стану ли я сам слишком приметной фигурой на улице? Ведь люди там знают друг друга, не обратят ли они внимание на незнакомого человека?

– Оставь машину в деревне, которую будешь проезжать по дороге к Гундлаху. Оттуда пойдешь пешком, с полчаса, не больше. Тебе страшно? – Она испытующе посмотрела не меня.

Я покачал головой:

– Нет, я рад. Что мы с тобой… То, что я сказал тебе позавчера… Я тебя огорошил. Мне хотелось бы сказать это снова, подобрать красивые слова, но боюсь вновь огорошить тебя, поэтому лучше подожду, когда у нас появится в запасе целая вечность. Нет, мне не страшно. А тебе?

Она рассмеялась:

– Страшно, что дело сорвется? Что меня оскорбят? Увезут насильно?

– Не знаю. Что ты собираешься сделать с картиной?

– Ничего, пока не заполучу ее. – Она встала. – Мне пора идти.

Куда – хотелось спросить мне; и еще – любит ли она меня или хотя бы полюбит меня когда-нибудь, продолжает ли она спать с Карлом Швиндом и что мы предпримем в воскресенье, оказавшись в машине с картиной. Но я не задал ни одного из этих вопросов. Я встал, обнял ее, она не прильнула ко мне, но и не отстранилась, а потом, высвободившись, поцеловала меня в щеку, погладила по голове:

– Ты хороший мальчик.

19

Мне действительно не было страшно. Я сознавал, что собираюсь совершить проступок, из-за которого в случае провала с моей адвокатской карьерой будет покончено. Мне это было безразлично. Мы начнем с Иреной другую, счастливую жизнь. Можно уехать в Америку, я буду подрабатывать официантом в ночном ресторане, а днем учиться в университете, опять добьюсь успеха, хоть юристом, хоть врачом или инженером. Если Америка не примет скомпрометированного юриста, почему бы не двинуть в Мексику? Я без труда выучил в школе английский и французский, не возникнет особых проблем и с испанским.

Но перед сном меня охватил такой озноб, что зубы застучали. Меня продолжало знобить, хотя я накрылся всеми одеялами и пледами, которые сумел найти. В конце концов я заснул. Под утро проснулся весь мокрый от пота в отсыревшей постели.

Чувствовал я себя хорошо. Ощущал легкость и одновременно неимоверную силу, которой ничто не сможет противостоять. Это было удивительное, неповторимое ощущение. Не помню, чтобы я когда-либо испытывал его – раньше или позднее.

Начался воскресный день. Я позавтракал на балконе, светило солнце, в ветвях каштана щебетали птицы, от церкви донесся колокольный звон. Мне подумалось о венчании: венчалась ли Ирена в церкви и захочет ли она венчаться со мной, как она вообще относится к Церкви? В мечтах мне представились картинки нашей совместной жизни во Франкфурте, сначала на балконе этого дома, потом на балконе большой квартиры в Пальмовом саду, затем в парке под старыми деревьями на другом берегу реки. Я видел себя на борту океанского лайнера, везущего нас через Атлантику. Я попрощался с прошлым, с юридической фирмой, с Франкфуртом и всеми, кто там жил. Прощание было безболезненным. К своей прошлой жизни я испытывал спокойное равнодушие.

Я выехал из дому рано, но едва не опоздал. В деревне был праздник, рыночную площадь и главную улицу перекрыли, машины с трудом пробирались по боковым улочкам. Припарковавшись у кладбища, я отыскал тропинку через виноградники, по которой, как мне показалось, можно сократить путь, однако из этого ничего не получилось; я вышел на лесную дорогу, ведущую к кварталу, где находился дом Гундлаха. Когда меня обогнала машина, в голове мелькнула мысль, что Швинд тоже может поехать этой дорогой и заметить меня, поэтому я свернул на боковую дорожку, скрытую деревьями и кустарником.

Я постарался одеться неброско: джинсы, бежевая рубашка, коричневая кожаная куртка, солнечные очки. Но, выйдя из леса на воскресные пустынные улицы, где иногда видел на террасе семейство, сидящее под тентом, я почувствовал, будто все глаза уставлены на меня – глаза тех, кто сидит на террасах, и тех, кто стоит за окнами. Кроме меня, на улице не было ни одного пешехода.

Отказавшись от кратчайшего пути, на котором меня мог увидеть Швинд, я поблуждал по параллельным и боковым улочкам квартала и добрался до дома Гундлаха в пять часов с минутами. Парковочное место перед гаражом пустовало. Укрывшись за мусорным контейнером и кустами сирени, я принялся ждать. Я внимательно осмотрел дорожку к дому, сам дом, гараж с одной открытой и другой закрытой дверной створкой, в гараже стоял «мерседес», а на дорожке к дому нежилась на солнышке кошка. По другую сторону от дома

на склоне холма зеленела лужайка, там росли невысокие сосны; я прикинул, что смогу зигзагами от сосны к сосне добежать до микроавтобуса. Нужно будет как можно скорее спрятаться за ним, чтобы меня не заметил случайный прохожий или кто-нибудь из соседнего дома или, заметив, не понял, что за тень мелькнула возле машины.

«Фольксваген» Швинда я услышал издалека: постреливал неисправный глушитель. Микроавтобус ехал быстро. Чихая и дребезжа, он стремительно повернул с дороги к дому, спугнул кошку и резко затормозил у входа. Из машины никто не вышел; помедлив, она сдала назад, развернулась и встала перед входом так, чтобы выехать обратно напрямую. Потом дверцы открылись, Ирена и Швинд вышли: она молча, он ворча, – я расслышал «Какого черта?» и «Вечно твои нелепые идеи!». Потом отворилась дверь дома, Гундлах поздоровался с гостями, пригласил их войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.